

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**АРХИВ
РОССИЙСКОЙ
КИТАИСТИКИ**

Том IV

Москва
Институт востоковедения РАН
2016

М. Ю. УЛЬЯНОВ

*К 110-летию со дня рождения
Г.С. Кара-Мурзы*

Предисловие к лекциям Г.С. Кара-Мурзы (1906–1945) по истории Древнего Китая

Георгий Сергеевич Кара-Мурза — историк Китая, обещавший дать многое.

В.М. Алексеев (1947 г.) [3, с.155]

Сейчас, когда издаются тома первой в нашей стране многотомной «Истории Китая», особенно важно обратиться к опыту отечественного китаеведения и присмотреться к тому, как складывалась традиция описания различных периодов истории Китая, в том числе и древнего. Дополнительный стимул этому был придан публикацией важнейшей для научного творчества В.М. Алексеева монографии «Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая» [5; 6].

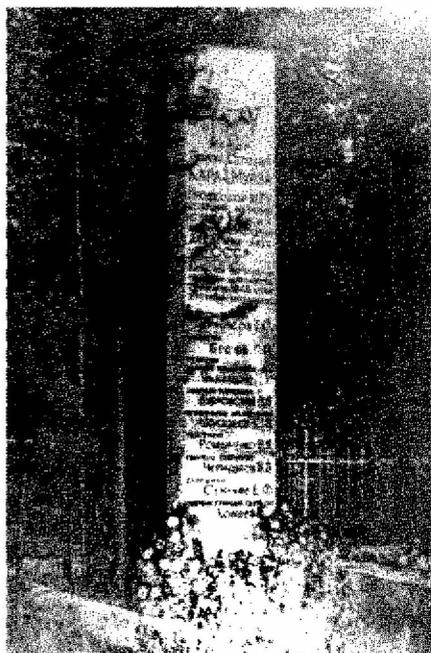
Данная статья предваряет современное издание лекций по истории Древнего Китая представителя московского направления отечественной синологии Георгия Сергеевича Кара-Мурзы (1906-1945), опубликованных в 1939 г. в Московском институте востоковедения (МИВ) имени Нариманова*.

* Машинописная рукопись четырех лекций с раздельной пагинацией была размножена на стеклоглафе в количестве 30 экземпляров, и эта публикация не указана в основных библиографических справочниках по Китаю. Ее компьютерный набор для настоящего издания осуществила О.С. Дементиевская. — А.К.

Но этот курс не был первым в СССР. Годом ранее в Ленинграде были изданы «Очерки по древней истории Китая (XII в. до н.э. – I в. н.э.)» Лазаря

Г.С. Кара-Мурза
в г. Чойбалсан (Монголия)

Могила Г.С. Кара-Мурзы в Чите
(фото А.В. Усатого, 1986 г.)

Исасвича Думана (1907–1979), в основу которых был положен курс лекций, прочитанный им в Ленинградском восточном институте [12]¹.

Именно в этих двух лекционных курсах и были подведены итоги знакомства (но, увы, не изучения) с историей Древнего Китая в первые десятилетия существования Советского Союза. Их авторы принадлежали к молодому поколению, были ровесниками: когда вышел курс лекций, Л.И. Думану было 32 года, а Г.С. Кара-Мурзе — 33 года. Это вполне зрелые научно-педагогические труды. В них отражены не столько особенности личностей и характеров авторов, сколько особенности подходов к истории «традиционного Китая» представителей двух основных направлений отечественной синологии: ленинградского и московского.

¹ Этим же годом датируется и «Очерк истории Китая» В.М. Алексеева, но он носил характер конспекта лекций и заметок, которые не были изданы. Работу над ним он начал еще в 1915 г. [4, с. 409]. Возвращение к ним как-то могло быть связано с выходом большой публикации его ученика.

В 20–30 гг. XX в. благодаря бурному развитию китайской и западной науки перед синологами открывалось огромное поле деятельности в решении сугубо исторических задач. Уже тогда на основе вводимых в научный оборот разнообразных источников (нарративных, эпиграфических, археологических) можно было приступить к изучению отдельных периодов в истории Древнего Китая. Однако почти все достижения мировой академической науки прошли мимо внимания советских китаистов, среди которых преобладали обществоведы и те, кто занимался изучением бурных событий новейшей истории. В рамках ленинградского и московского направлений отечественной синологии отдельных монографий по истории какого-либо периода древнекитайской истории создано не было. Эти возможности в изучении истории «традиционного Китая» в основном оказались не реализованы.

В 20–30-е гг. появилось несколько работ, в которых была затронута древность. Одной из наиболее показательных работ была статья 1930 г. выходца из Ленинграда Е.С. Иолка (1900–1937) «К вопросу об основах общественного строя древнего Китая» [14, с. 133–134]. Хотя это первая статья в послереволюционной китаистике, название которой содержит прямое обращение к Древнему Китаю, отношение к истории она не имеет — это обществоведческое обращение к древней истории. Статья имеет внешнее оформление исторической, но по сути, таковой не является, поскольку все обращения к источникам и историческому материалу служит одной общей задаче — атрибуции «общественного строя» с выявленными «классовой структуры общества» и описания «аграрных отношений», модель которых всегда была задана априори в соответствии с идеологическими установками автора².

Эта ситуация отражена в итоговой монографии В.М. Алексеева «Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая», которая, впрочем, была издана у нас только в 2010 г., а широкому читателю стала доступна в 2013 г. [5, 6].

Наиболее адекватно на открывавшиеся в науке возможности реагировали представители ленинградского направления, то есть академического (точнее, «классического») востоковедения, среди которых преобладали литературоведы. К числу опубликованных фундаментальных научных работ относятся труды учеников В.М. Алексеева. Это монография лингвиста Ю.В. Бунакова «Гадательные кости из Хэнани (Китай)», в которой рассмотрены полученные в результате начатых в 1928 г. раскопок политического центра Шан (ок. 1300–1027 гг. до н.э.), и монография историка общественной мысли А.А. Петрова, посвященная Ван Би [8; 32].

² К их числу можно отнести монографию М.Д. Кокина (1906–1937) и Г.К. Палаяна (1901–1937) «“Цзинь тянь”. Аграрный строй древнего Китая» [24] и др. И тем более работу К.Б. Радека, например, «Основные вопросы китайской истории», которая вышла в журнале «Новый Восток» (кн. 16–17) в 1927 г.

Сам В.М. Алексеев несколько раз в своих статьях касался вопросов изучения истории³. Но попытки подготовить историков в условиях того времени заканчивались тем, что из его рук выходили обществоведы, которые, хотя и называли себя историками, решали сугубо обществоведческие задачи (Июлк, Панааян, Кокин и др.). Только представители предвоенного поколения несколько глубже были связаны с историей (Л.В. Симоновская, Л.И. Думан, З.И. Горбачева), но их труды основывались уже не на прочном филологическом фундаменте и не были связаны с переводом и изучением источников, а базировались на зыбком основании господствующих идеологических схем и на теории истмата, которую они адаптировали к изучению «традиционного Китая». Академическая школа дала им широту подходов, страноведческую эрудицию, культуру оформления работ и т.п. Но задачи, которые они решали, были связаны с «крестьянскими восстаниями», «общественным строем» и «общественными отношениями».

Отметим, что история Древнего Китая как таковая освящалась представителями третьего направления — владивостокского, чей интерес к истории был заложен работавшим там выходцем из санкт-петербургской академической среды Н.В. Кюннером (1877–1955). Первыми стали «Очерк истории Китая» выпускника владивостокского Восточного института А.Д. Попова (1889–1941), вышедший в Харькове в 1925 г. [34], затем книга К.А. Харнского (1884–1943) «Китай с древнейших времен до наших дней» [42], а в завершении и небольшие энциклопедические статьи П.А. Гриневича (1899–1938) по истории Китая в целом [10; 11]⁴. Эти работы, являясь только частью очерков или энциклопедических статей, носили обзорный характер. Никто из авторов специально древностью не занимался.

Поэтому оба курса лекций по истории Древнего Китая, созданные Л.И. Думаном (1907–1979) в Ленинграде и Г.С. Кара-Мурзой в Москве, представляют большую ценность для изучения истории отечественной науки [12]. Их тираж

³ В 1929 г., когда обществоведы уже изрядно углубились в дискуссии об общественном строе, им была написана статья «Китайская история в Китае и в Европе». Она была посвящена подведению итогов в «изучении китайской истории как в Европе, так и в самом Китае» и постановке на будущее задач «синологии исторической». Написанная филологом, статья лежит в русле классической исторической науки. В ней высказан целый ряд интересных суждений об изучении истории и источниках. Нет необходимости говорить о том, что в статье нет ни слова ни про общественный строй, ни про борьбу классов [2, с. 342]. Среди колоссального научного наследия, изданных и не изданных трудов В.М. Алексеева, его публикаторы насчитывают девять отдельных работ, которые имеют отношение к истории [4, с. 408–409].

⁴ Следует добавить, что в послевоенное время еще один представитель владивостокского направления Б.И. Панкратов (1892–1979), работая в Ленинграде, станет научным руководителем двух замечательных историков К.В. Васильева и Ю.Л. Кроля, оставивших и переводы важнейших исторических источников, и их глубокие исследования. А в Москве наиболее значительный проект будет осуществлен еще одним «владивостокцем» Р.В. Вяткиным, который переведет и издаст почти полностью «Исторические записки» Сыма Цяня.

был более чем невелик, они предназначались не для широкого читателя, а для студентов двух вузов. Эти труды так и не вошли в широкий научный оборот.

Если лекции Л.И. Думана еще иногда упоминались в работах его учеников, то лекции Г.С. Кара-Мурзы полностью выпали из научного обращения. В отличие от его лекций по истории Китая в Средние века и Новое время, они не встречаются в библиографиях, не упоминаются и не цитируются в публикациях историков и биографов, даже тех, которые хорошо понимали значение его личности и его трудов.⁵ Кстати, нечасто вспоминают и о том, что Г.С. Кара-Мурза являлся автором очерка «Китайская литература», опубликованном в томе 5 «Литературной энциклопедии» в 11 томах (1929–1939), в котором есть раздел и по периоду древности⁶.

Г.С. Кара-Мурза не являлся специалистом по древности. На содержание лекций повлияли и особенности развития московской синологии, в которой не сложилось ни академической среды, нацеленной на изучение «классики», ни тем более школы изучения древней и средневековой истории Китая. Однако в них автор попытался отойти от обществоведческих дискуссий 20–30-х гг. и наметить иной, сугубо исторический, подход к изложению и осмыслению сведений о Древнем Китае. К такому развороту от обществоведения к истории его подтолкнули некоторые обстоятельства жизни, о которых скажем ниже. Приведем некоторые сведения о его научной биографии, в которой отразились многие переипетии того времени.

Этапы биографии

Г.С. Кара-Мурза родился 23 мая 1906 г. в семье московских интеллигентов. Его отец, Сергей Георгиевич, являлся известным театральным критиком, театроведом и литератором. Большое внимание культурному развитию сына уделяла мать Георгия Сергеевича, Мария Александровна [39, с. 81]. Это был человек одаренный, склонный к саморазвитию и рефлексии. Одновременно он являлся представителем первого поколения советских людей, плодом уже

⁵ Их нет в «Библиографии Китая» П.Е. Скачкова и «Биобиблиографии» С.Д. Милибанд. Биография Г.С. Кара-Мурзы сравнительно подробно изложена в статье 1988 г. Ф.А. Тодер, М.Ф. Юрьева. Штрихи к портрету профессора Г.С. Кара-Мурзы (1906–1945) [39, с. 81–100]. Данные о нем содержатся в монографии В.Н. Никифорова [29]. Сведения о нем самом можно почерпнуть из писем [16; 13].

⁶ Этот очерк упомянул китаист-филолог В.Ф. Сорокин в статье «Изучение новой и современной китайской литературы в России», написанной для энциклопедии «Духовной культуры Китая». Там он писал: «В 1930–1931 гг. появилось несколько журнальных публикаций Б.А. Васильева и Г. Кара-Мурзы, в том числе статья Г. Кара-Мурзы для 5-го тома “Литературной энциклопедии”. Это можно считать началом серьезного изучения новой китайской литературы» [36, с. 195]. Здесь имя Г.С. Кара-Мурзы поставлено рядом с именем ученика В.М.Алексеева, специалиста именно по классической китайской литературе.

сугубо советского образования и воспитания, поэтому сохранял верность идеям партии и полностью подчинялся ее требованиям и директивам.

В 1927 г. Г.С. Кара-Мурза, которому исполнился 21 год, закончил Московский институт востоковедения (МИВ) и стал сотрудником кабинета китаеведения при Университете трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена (с сентября 1928 г. — Коммунистический университет трудящихся Китая), который просуществовал с 1925 по 1930 г. В 1928 г. кабинет китаеведения при Университете трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена, где работал Г.С. Кара-Мурза, был преобразован в НИИ по Китаю. Там он сосредоточился на вопросах, связанных с изучением китайской революции.

Однако ему не чужды были и вопросы, связанные со сферой языка. В 1929 г. в издательстве Коммунистического университета трудящихся Китая вышло его учебное пособие «Краткое руководство по правописанию китайских слов». А в первом выпуске «Проблем Китая» того же 1929 г. была опубликована рецензия на книгу Е.Д. Поливанова и Н.М. Попова-Тативы «Пособие по китайской транскрипции», которую он оценивает более чем критично: *«по существу, оно не только не разрешает проблему китайской транскрипции, но, наоборот, вносит путаницу в те методы транскрипции, которые уже выработались в процессе практической работы китаеведных учреждений и применяются почти во всех изданиях, посвященных Китаю, и в нашей периодической прессе»* [17, с. 463–464]. Чаще всего с замечаниями автора можно согласиться, поскольку он отстаивал те принципы транскрипции, которые используются и сейчас.

В 1930 г. Г.С. Кара-Мурза в одной из своих первых работ «Марксизм и буржуазная синология» позволил себе выступить с нападками на ленинградское академическое китаеведение и его руководителя В.М. Алексеева [18]. Надо сказать, что эта статья сослужила для репутации Г.С. Кара-Мурзы скверную службу, поскольку позднее стала использоваться в качестве своего рода «морального обоснования» забвения его имени и его трудов.

Г.С. Кара-Мурза не был одинок в своей «критике». Многие представители его поколения прошли через это. В том числе и те, кому не принято было ставить это в вину. В своих воспоминаниях японист Ф.А. Тодер привела такую историю из ее жизни, которая позволяет понять атмосферу того времени и характер взаимоотношений между поколениями учителей и учеников: *«Примерно в это же время (вероятнее всего в 1930 г. — М.У.) учившийся старше нас Лазарь Думан устроил открытое партсобрание на тему о “гнилом либерализме” в лекциях Н.И. Конрада, Н.А. Невского, Н.В. Кюнера, Н.Н. Поппе и других беспартийных профессоров. Он потребовал, чтобы я выступила, заявив, что я должна доказать преданность рабочему классу. Делать было нечего. Подавленная, я пришла на собрание, где сидели Н.А. Невский, Н.И. Конрад и другие мои учителя. Кое-как, заикаясь, я пролепетала: “Мы с удовольствием торопимся на лекции Конрада и Невского, но ведь они учились не в эпоху марксизма и в их лекциях проскальзывают элементы гнилого либерализма”. После собрания Николай Иосифович, всегда сдержанный, протянул мне руку и, растрепав кудряшки, сказал: “Фани Тодер, запомните сегодняшний день”». Несколько выше она писала:*

«Только после его смерти я по-настоящему поняла, как все эти десятилетия он следил за моим ростом и развитием, поддерживал меня в трудные моменты жизни» [38, с. 135].

С 1932 г. Г.С. Кара-Мурза, оставаясь сотрудником НИИ по Китаю, начал работать в Московском институте востоковедения и в Институте мирового хозяйства и мировой политики (по 1939 г.). С 1933 г. он начал регулярно публиковать статьи в профильных журналах, которые имели отношение к рассмотрению текущей ситуации в Китае.

В 1934 г. Г.С. Кара-Мурза, занимаясь подведением итогов работы Коминтерна по китайскому направлению, подготовил сборник «Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая» [37]. Тогда же он возглавил группу авторов, составивших библиографический обзор «Книжная и журнальная литература о Китае в СССР от XVI к XVII съезду ВКП(б)», в которой вновь были филиппики в адрес ленинградцев-«классицистов». Там были такие слова, которые характеризовали работу ленинградских ученых следующим образом: *«Научная работа по Китаю ведется, как известно, кроме Москвы еще в Ленинграде и на Дальнем Востоке. В Ленинграде центр академической работы по Китаю — Академия наук в лице ее Ин-та востоковедения и отчасти Ин-т им. Енукидзе, ЛОКА. Так называемая академическая школа, возглавляемая академиком Алексеевым, дает все еще оторванные от жизни работы (выделено мною. — М.У.). Так, например, Н. А. Невский опубликовал “Очерк истории тангутоведения” (“Известия Академии наук” за 1931 г.) о языке тангутов, государство которых прекратило свое существование... в 1226 г.! А. Драгунов опубликовал работу “Древнемандаринский язык в персидской транскрипции” (“Известия Академии наук” за 1931 г.). Работа опубликована на английском языке (без русского перевода). В известиях Академии материальной культуры (1931) появилась работа о 90 исторических раковинах в растисной керамике Китая, Крита и Триполи. Б. Васильев опубликовал работу “Древние источники Ляо Чжэя” (изд. Академии наук, 1931 г.) о сказках XVII в. Последняя работа, как и другие работы Васильева о литературе, является образцом приспособленческой литературы, насыщенной “марксистской” терминологией. В вышедших пяти томах “Записок коллегии востоковедов” при Академии наук не было ни одной статьи о Китае (и это в годы Великой китайской революции!), имеются только рецензии академика Алексеева на две работы о Китае. Бригада рецензентов ЛОКА в “Проблемах марксизма” правильно характеризует всю литературную продукцию “Азиатского музея Академии наук” как “13 лет академического востоковедения — 13 лет служения реакции” (“Проблемы марксизма”, № 8–9 за 1931 г., стр. 218)» [23, с. 351]⁷.*

По всей видимости, этот обзор, опубликованный в 1934 г., стал, говоря словами того времени, «реакцией группы товарищей» на публикацию «партийного органа». Можно заметить, что в Москве понимали, что в Ленинграде

⁷ Благодарим Е.В. Волчкову, которая обратила наше внимание на эту публикацию.

сохранялась «академическая школа», но она не отвечала новым веяниям — ее труды в глазах московских обществоведов были «оторваны от жизни». Ну и кончается обзор в духе времени — обвинением в реакции, однако, надо заметить, выраженным не словами самих авторов, а ссылкой на публикацию в официальных «Проблемах марксизма». Уж больно медленная у них была реакция — прошло три года.

В 1935 г. в рамках усиления синологических кадров Г.С. Кара-Мурзе, как и нескольким китаеведам разных специальностей, без защиты диссертации была присвоена степень кандидата исторических наук. С 1935 по 1938 он являлся профессором Московского института востоковедения. Однако в том же 1935 г., в период усиления чисток в аппарате Коминтерна и в различных учреждениях, связанных с Востоком, обстоятельства жизни Г.С. Кара-Мурзы изменились. Прежде он написал заявление в партком Института мирового хозяйства и мировой политики Коммунистической Академии, где работал тогда в качестве старшего научного сотрудника (оно датировано 16 мая 1935 г.). В нем он выступил с «разоблачением» своих старших коллег П.А. Мифа, Г.И. Сафарова, Л.И. Мадьяра и др. В нем, как сообщает публикатор его фрагментов В.Н. Усов, были и такие слова: «... считаю необходимым сообщить некоторые известные мне факты о работе Мифа в Институте, могущие помочь в деле его разоблачения как скрытого троцкиста. Это факты следующие: ...» [41, с. 42].

Возможно, это «заявление» спасло его от ареста и гибели, но не уберегло от опалы. Ф.А. Тодер вспоминает о том, что Г.С. Кара-Мурза в одном из своих писем, отправленных ей во время войны, писал: «У меня ведь хуже было (вы наверно знаете, мне формально запретили заниматься своим делом, причем самая высокая инстанция). Три с половиной года к работе не допускали, а я знал, что буду работать, хотел, стремился к этому и, как видите, дождался» [39, с. 88].

Его сын Сергей Георгиевич пишет об этом периоде его жизни более определенно: «За это “трение” (интенсивное общение с китайскими учащимися. — М.У.) отец поплатился — в 1935 г. исключили из партии и до 1939 г. нигде не работал (точнее, не зарабатывал). Но за 30-е годы подготовил в рукописи многотомный труд по социальной, политической, культурной и военной истории Китая. Перед войной из него были сделаны и изданы на стеклографе три разных курса лекций — для истфака, для Дипакадемии и для военных» [22].

С 1939 по 1941 г. Г.С. Кара-Мурза преподавал на историческом факультете МГУ, занимая должность профессора, и одновременно трудился в Институте истории АН СССР в качестве старшего научного сотрудника. Это если не ввело его в академическую среду московских историков, то, по крайней мере, приблизило к ней. Начался новый важный этап его биографии.

Эта среда, которая существовала на кафедре колониальных и зависимых стран истфака МГУ, описана в воспоминаниях Ф.А. Тодер (с 1936 г. аспирантки этой кафедры): «Постоянно приходилось бывать на заседаниях кафедры колониальных и зависимых стран. Кафедрой заведовал бывший сотрудник ЦК Н.Д. Старосельцев, сам по себе малоинтересный ученый, но

собранный на кафедре немало профессиональных историков. ... На кафедре сложилась теплая научная атмосфера... Не забуду, как тщательно Г.С. Кара-Мурза не только работал над собственными лекциями, но и переписывал работу Э. Шика, для которого русский язык не был родным» [38, с. 141].

Так новые обстоятельства его жизни приблизили Г.С. Кара-Мурзу к «классике». Попав в лоно Московского государственного университета, в котором сохранялась академическая среда, и пережив «опалу», он начал работу над большим курсом по истории Китая, материалы которого и были использованы во время написания лекций по отдельным периодам.

Историк отечественного китаеведения В.Н. Никифоров, сетуя на то, что *«в предвоенные годы наметилось отставание с исследованием новейшей истории Китая»*, коснувшись Г.С. Кара-Мурзы, заметил, что *«в последние годы перед войной многие историки, до того занимавшиеся только новейшим временем, частью или целиком перешли на изучение и более ранних периодов. Г.С. Кара-Мурза занялся новой и в меньшей степени древней и средневековой историей»* [30, с. 157]. Здесь следует оговориться, что заниматься применительно к древности и средним векам здесь не означает специально исследовать. А имеется в виду то, что, начитав литературу, автор доступно и грамотно передавал ее содержание в своем курсе. Но и это уже не мало, поскольку чтение такого курса лекций открывало возможность начать подготовку будущих специалистов.

Чуть позже знакомство с древней и средневековой историей подтолкнуло автора публикуемых лекций к рассмотрению ключевых вопросов социального устройства — статья «Род и племя древних китайцев» стала единственной, кроме лекций, специальной работой Г.С. Кара-Мурзы, касавшейся Древнего Китая [19].

В 1940 г. Г.С. Кара-Мурза подготовил курс лекций по истории Китая в средние века [20]. Тогда же вышел его раздел по новой истории Китая в учебнике «Новая история колониальных и зависимых стран» [31]. В 1941 г. увидела свет небольшая, но важная для дальнейшего развития отечественной синологии его сугубо историческая монография «Тайпины. Великая крестьянская война и тайпинское государство в Китае 1850–1864» [21].

В предвоенное время он работал очень интенсивно и плодотворно. Но этот период был сравнительно недолог. Началась война. Являясь офицером, военным пропагандистом, на Дальнем Востоке он продолжал исследовательскую (точнее, военно-аналитическую) деятельность, в результате чего подготовил к защите докторскую диссертацию: «“Новый порядок” в Маньчжурии». Но жизнь его в 1945 г. трагически оборвалась — он погиб в авиакатастрофе.

* * *

Усилиями Г.С. Кара-Мурзы началось становление школы изучения новой и новейшей истории Китая, и если бы не война и он проработал бы на кафедре МГУ более длительное время, то, возможно, такая школа возникла. Биографы считают, что после гибели Г.С. Кара-Мурзы в Москве его знамя в изуче-

нии новейшей истории Китая подхватил его товарищ Г.Б. Эренбург [43, с. 102] и его прямой ученик М.Ф. Юрьев. Что касается древней и средневековой истории, то чудес не бывает — в послевоенное время в Москве их налаживали выходяцы из ленинградской академической среды: изучение древнекитайской истории в Институте востоковедения организовывал Л.И. Думан, а преподавание истории традиционного Китая на истфаке МГУ, затем в ИВЯ и, соответственно, ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова — Л.В. Симоновская. Впрочем, как и изучение классической литературы, — которое укоренилось в Москве благодаря усилиям еще одной ленинградской ученицы В.М. Алексеева, представительницы востоковедной династии, Л.Д. Позднеевой (1908–1974).

В послевоенной китаистике курс лекций по истории Древнего Китая Г.С. Кара-Мурзы (впрочем, как по истории Средних веков и Нового времени) не упоминается и не цитируется, поэтому можно сказать, что преемственности с его опытом, идеями и подходами не было. Его ученик М.Ф. Юрьев (1918–1990) занимался новейшей историей. На истфаке МГУ начинала работать его выпускница Т.В. Степугина (1923–), которая по возрасту не могла быть ни ученицей, ни преемницей Г.С. Кара-Мурзы. Тогда же началось и забвение этой стороны научного творчества Г.С. Кара-Мурзы — важнейшей как историка⁸.

О содержании лекций

Ниже кратко охарактеризуем содержание лекций Г.С. Кара-Мурзы. Во введении автор указывает, что довел историю Древнего Китая до конца Западной Хань (206 г. до н.э. – 8 г. н.э.), но в нашем распоряжении только четыре первые лекции, в которых излагается история до конца Шан (ок. 1300–1027 гг. до н.э.). Эта книга сохранилась в фонде библиотеки кафедры китайской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. Она не имеет владельческих печатей, характерных для книжных коллекций Л.Д. Позднеевой и В.С. Манухина. Степень сохранности — хорошая, на полях есть пометы в виде коротких вертикальных линий, в тексте есть подчеркивания. В первых трех лекциях в подстрочных сносках вписаны иероглифы, в четвертой есть сноски, но иероглифы отсутствуют.

Во **Введении** автор излагает идеологические основания, на которых создавался курс. Опираясь на совместное постановление Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах

⁸ Механизм его отражен в протоколе выступления А.А. Губера (1902–1971) на объединенном заседании кафедр стран Ближнего, Дальнего и Среднего Востока исторического факультета МГУ, которое проходило в 1948 г. Он в частности сказал: *«Я принимаю справедливый упрек Ларисы Васильевны (Симоновской. — М.У.), что наши кафедры недостаточно уделяют внимание творческому обсуждению, подготовке и переработке новых трудов. Правда, я верю, что наша разработка средневековой истории Китая может быть ценнее и лучше разработки Кара-Мурзы, но беда не только кафедры, но и Вас, что эти разработки Ваши (за исключением двух статей, опубликованных в журналах) дальше не пошли...»* [2, с. 97].

СССР», он пишет: *«Мы должны знать конкретные факты, даты, имена исторических деятелей и их характеристики, не ограничиваясь общими разговорами о способе производства, о формациях и укладах, к чему обычно скачивались историки до выхода в свет решающего постановления ЦК и Совнаркома».* Он подчеркивает, что нельзя подменять *«связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами».*

При характеристике особенностей китайской истории и культуры автор, чтобы привлечь внимание читателя, включает ряд наиболее распространенных штампов. Характеризуя китайскую историю, он повторяет: *«История Китая есть история древнейшего и культурнейшего народа. Китайцы — это единственный во всем человечестве народ, который неизменно существует в течение многих веков на той же территории, на которой он начал свое существование, на которой зародилась его культура в незапамятной древности».* Характеризуя китайскую культуру, говорит: *«История Китая развернет перед вами духовную и материальную культуру китайского народа, создавшего поистине мировые культурные ценности. Вы увидите, что китайский народ давно создал письменность, раньше всех других изобрел компас, порох, бумагу, имел древнейшее в мире шелководство».*

Автор многократно подчеркивает, что история Китая — это прежде всего история народа. Но это заверение ставит историка в сложное положение, поскольку он тем самым лишает себя возможности сосредоточиться на политической истории, описанной в источниках, участниками («творцами») которой является совсем не народ, а монархи и представители знатных родов.

Вводная часть включает объяснение задач курса, обсуждение проблемы древности Китая (здесь ведется полемика с буржуазными учеными) и основные источники. Этот раздел он начал с археологии. В нем особое внимание уделил раскопкам шанской столицы у г. Аньян и эпиграфике шанского времени. Он в частности упомянул о надписях на костях и сложностях их дешифровки. Затем обсуждаются письменные источники: исторические памятники и литературные произведения, а также особенности иероглифического письма.

После этого автор рассматривает историографию и с большим энтузиазмом характеризует русские переводы древнекитайских трактатов. Затем он пишет о социально-экономических вопросах. Здесь же был поставлен вопрос об общественном строе, то есть о рабстве. Автор пишет: *«Но это бесспорное теоретическое положение: рабство было первой формой классовых отношений у всех или почти у всех народов, — тоже не разработано в отношении китайской древности».* Вот так можно уйти от рассмотрения вопроса, который не разработан в науке или который не является научным, но настойчиво внедряется партийным руководством в исторический дискурс.

Ниже он добавил: *«Чтобы доказать, например, что рабство было господствующим способом производства, преобладающей формой общественных отношений в древнем Китае, — еще нужна большая исследовательская работа».* Иными словами автор не готов априори, только следуя теории утверждать то, в чем у него нет уверенности. А в лекции о Шан пишет: *«Все*

эти данные позволяют говорить о том, что в царстве Шан уже были рабы. Но это еще ничего не говорит об общественном устройстве царства Шан в целом: был ли это племенной строй или развитое классовое государство? В общем археологические данные дают недостаточные материалы для того, чтобы сделать окончательные и ясные выводы о социальной структуре Китая в эпоху Шан».

Касаясь дискуссий о феодализме, он писал: *«Но для нас ясно, что теоретически такой взгляд ошибочен, ибо Китай не мог быть исключением из общей закономерности исторического развития».* А говоря об «азиатском способе производства», он дает понять, что не стоило бы и вспоминать, однако: *«Эта теория также ложна и несостоятельна, но вы можете встретиться с этим вопросом в литературе и вам надо знать, о чем идет речь».* И четко объясняет студентам: *«Схоластические споры, которые вели наши историки в 1929–31 гг. по этому вопросу, ни к чему не привели, они только хуже запутали вопрос, ибо споры или вокруг 10-12 цитат из Маркса без привлечения конкретного материала».* Далее, ссылаясь на «Краткий курс», он раскрывает учение о социально-экономических формациях.

Данный курс лекций создавался тогда, когда дискуссии о способах производства отгремели и когда по всем вопросам уже высказались руководящие органы «страны Советов» и «сам лично...», но концепция «рабовладения» еще не была окончательно закреплена в китаеведении. Это, по мнению В.Н. Никифорова, произойдет в 1940 г. [29, с. 257]. Тем не менее он уже знал, что концепция «феодализма» прочно ассоциировалась с буржуазным восприятием истории, а также с проигравшей во внутривластной борьбе группировкой, к которой относились Каменев, Зиновьев, Радек и др., «азиатского способа производства» — с троцкистским, а вот «рабовладения» — со сталинским, то есть с единственно верным.

Таким образом, во введении Г.С. Кара-Мурза дал образец идеологически выверенного подхода к подготовке исторического курса, который мог бы быть примером для его слушателей и предостеречь от лишних разговоров. И при этом в тексте лекций ни здесь, ни ниже нет цитат из «классиков» или ссылок на доклады и труды тов. Сталина. Хорошо видно, что автор не был ни догматиком, ни начетчиком. Напротив, уже во введении проявляется его синологическая эрудиция, а также доверительная и взвешенная интонация.

Вводный раздел заключается такими словами: *«Но для нас должно быть ясно одно: никакие особенности развития Китая не исключают общей закономерности исторического развития, и если мы не видим ясно этой закономерности, то, по-видимому, просто потому, что мы еще недостаточно знаем конкретную историю Китая (выделено мною. — М.У.). Но наша наука еще молода, и дать законченное, развернутое исследование вопроса в новом освещении мы на сегодня еще бессильны».*

Замечательно, что исторические закономерности стали темой его рассуждений в дневниковых записях, свидетельствуя о сформировавшемся историческом мышлении [13, с. 227].

Вторая лекция называется «Дикость и варварство в свете мифологии и археологических данных». Говоря о древнейшем периоде китайской истории, автор опирается на китайскую традиционную модель изложения древнейшей истории. Он начинает с собственно мифов о божествах Фу-си, Нюй-ва, Шэнь-нун, Хуан-ди, которые интерпретирует с рациональной точки зрения. Далее, опираясь на теорию Энгельса, он и описывает китайское общество по стадиям «низкая дикость», «средняя и высшая стадия дикости и переход к варварству» и т.д.

Он исходит из идеи, что в мифе отражена историческая реальность. Она верна, но в ее воплощении он поступает как обществовед, некритично и прямолинейно трактует не сообщения источников, а их обобщенный и изрядно упрощенный пересказ в современной для него литературе. Это, очевидно, типичное направление. В будущем миф с литературоведческой и этнологической точки зрения будут рассматривать китайисты-филологи школы Л.Д. Позднеевой (прежде всего Э.М. Яншина), а также Б.Л. Рифтин, но в рамках академического литературоведения.

Третья лекция посвящена характеристике родового общества (XXIV–XVIII вв. до н.э.). Построено оно также на характеристике мифа. «История» правления мифических «императоров» Яо и Шуня, а затем Великого Юя излагается как реальная история, наполненная событиями, при этом автор указывает даты правлений и утверждает, что они *«не имеют уже никаких мифических черт»*.

Изложение мифических сведений об этих божествах как исторических свидетельств говорит о том, что у автора не было четких представлений о границе между мифическим повествованием и историческим. В частности, он пишет: *«Эпоха Яо уже имеет свою политическую историю — уже точно датируются события. Например, указывается, что в 2353 г. к Яо прибыли первые послы из страны Камбоджа»*. Рассказ о мифе как истории завершается такими словами: *«Юй умер в 2197 г. Правителем был выбран его сын 82-летний старец Ци»*.

Автор исходит из того, что за мифом стоят сведения об истории, а раз историю творит народ, то соответственно о народе, точнее формах его социальной организации и жизни можно узнать из мифа. Поэтому после этого он переходит к рассказу о социальной структуре и социальных отношениях. Он начинает с понятий рода, родового строя и племени — и вновь рассматривает их путем интерпретации мифов про тех же Яо, Шуня и Юя, считая их царями или вождями древности. Народ поддерживал всех трех правителей и жил в гармонии. Противоречие в том, что после изложения всего этого автор вновь заявляет, что все это миф и к нему требуется относиться критически, но вот только в отличие от буржуазных ученых нельзя его игнорировать и называть пустыми выдумками. Далее описываются варвары, затем «династия Ся», которую он также считал вполне исторической.

В своей историзации мифа Г.С. Кара-Мурза мог следовать за статьей известного антиковеда, профессора-историка МГУ А.В. Мишулина 1936 г.,

опубликованной в выпуске журнала «Борьба классов», который был посвящен обсуждению постановления Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. и «Замечаний товарищей ...». В ней содержался установочный материал, который должен был помочь синологам, если такие появятся, разобраться с ситуацией и, оставаясь в поле научного дискурса, дать идеологически взвешенный материал [28]. Соответственно, если бы у Г.С. Кара-Мурзы и были сомнения в целесообразности такого подхода, то в этой статье была задана модель описания древнекитайской истории, приемлемая для партийного руководства, которой он мог следовать и которую мог развивать.

И если Л.И. Думан в своем «Очерке» мог опереться на опыт своих предшественников и учителей, то Г.С. Кара-Мурза, который оставался в Москве фактически единственным китаистом-историком, должен был сам искать модель изложения истории. И он пошел по санкционированному пути, который ранее был намечен в статье представителя академической науки и одобрен «вышестоящими органами».

Как ни странно, но проблема разграничения мифического и исторического в синологическом дискурсе актуальна и сейчас. Такой подход характерен для отечественной синологии, это не случайное явление, а глубоко укоренившееся — в описании древнекитайской истории мифические данные, пусть даже и с указанием на то, что это миф, приводятся довольно-таки часто⁹. Более того, порой миф подменяет собой историю¹⁰.

У этого явления глубокие культурные корни. На наш взгляд, это связано с тем, что и в современной китайской науке сохраняются элементы мифического мышления. Знакомясь с китаезычными работами, не все синологи могут его распознать — обаяние и очарование китайской культуры настолько велико, что они вольно или невольно теряют возможность критически мыслить. А между тем с точки зрения современной науки речь идет об эпохе ранней и средней бронзы (2500-1300 гг. до н.э.), что и предполагает их описание на основе археологического материала¹¹.

Историкам всегда приходится решать вопрос, с чего начинать рассказ о древнейшей истории, не освященной в письменных источниках. И почему-то вме-

⁹ Так, раздел о формировании древнекитайской государственности в вузовских учебниках по истории Древнего Востока, пусть и с оговорками, но начинается с упоминаний о мифических божествах Яо, Шуне, Юе и о пресловутой «династии Ся» — в учебниках 1979, 1988, 2001 гг. [15]. С Юя, Ци и «первой наследственной династии» Ся — в учебнике 2009 г. [9, с. 578], а также [25].

¹⁰ Даже в работе 1998 г. трех видных современных синологов читаем: «Что же касается предшествующего тысячелетнего периода правления отцов-прародителей Фу Си, Хуан-ди, Шэнь-нуня, Яо и Шуня, то синологи сходятся в том, что эти мифологические культурные герои, возведенные китайской традицией в ранг исторических персон, принадлежат-таки к китайской предыстории» [7, с.17]. В разделе, написанном С.И. Кучерой для «Большой российской энциклопедии», указаны даты правлений (!) мифических императоров [26, с. 91].

¹¹ Нам уже приходилось писать об этом явлении [40, с. 90–92].

сто того, чтобы кратко разложить данные археологических исследований и их исторических интерпретаций, синологам, пишущим о древнейшей истории Китая, и тогда, и сейчас представлялось важным донести до читателя традиционные представления о ней, бытовавшие в сознании носителей китайской культуры, а уже потом (но не всегда) привести и научные данные.

Отсутствие археологического раздела о палеолите, неолите, бронзовом веке позволяет сделать вывод о том, что обращение к мифу и пересказ мифических представлений с оговорками или без — это следствие отсутствия представления об этих наиболее ранних периодах истории Китая и отсутствия устоявшейся модели их описания. Это высказывание во многом справедливо и для настоящего времени.

Четвертую лекцию автор посвящает описанию «Шанского царства (XVIII–XII вв. до н.э.)». Начинает он с изложения данных о государстве Шан в районе г. Аньяна. Текст очень взвешен, для него характерны четкие и ясные формулировки. Подход, заданный во Введении, сохранился. Автор, как и ранее, не погружается в теоретизирование и не уходит в дебри обществоведческой дискуссии, а отметив свое понимание актуальной тогда проблемы, говорит о сугубо конкретных вещах. Именно эта лекция наиболее научна.

Основные разделы: территория, население, город; земледелие, скотоводство; орудия труда; ремесло; войны, армия; военнопленные, рабство; *ван*; пережитки родового строя; зарождение государства; аристократия; религия; жертвоприношения, гадания; похороны; письменность; искусство. Затронуты все аспекты истории, кроме описания политического процесса. Именно этот аспект был и, как ни странно, остается наиболее сложным в изложении истории Древнего Китая периодов Шан и Западное Чжоу. Во многом это связано с тем, что в основном историческом сочинении древности «Исторические записки» сведения о политической борьбе зачастую изложены в виде исторического предания и сложны для интерпретации. И лучше (и легче) их опустить, чем огульно называть «баснями» и «сказками».

Заключение

Лекции Г.С. Кара-Мурзы по истории Древнего Китая отмечают рубеж в складывании московского направления российской синологии. Они показывают, какого уровня оно достигало в предвоенное время. Курс лекций интересен еще и тем, что отражает свою эпоху, — он написан со смещенной энергией мужества и страха, порыва и сдержанности.

Перед Г.С. Кара-Мурзой, которому в год публикации лекций (1939 г.) исполнилось 33 года, стояла непростая задача — написать курс истории Древнего Китая, который отражал бы современные для его времени научные представления и не противоречил требованиям «вышестоящих органов». Намечая научный подход к рассмотрению древности, он искал пути описания истории древнекитайского общества. Складывается впечатление, что он стремился к тому, чтобы

дать взвешенную историческую интерпретацию существовавших в известной ему научной литературе и распространенных среди синологов представлений о прошлом страны и народа.

Автор не ставил перед собой задач привнесения марксистско-ленинской методологии в ее сталинской интерпретации и не пытался сформулировать советскую парадигму древнекитайской истории. Ему удалось выйти из замкнутого круга определения особенностей хозяйственных отношений (форм собственности на землю) и наличия или отсутствия рабовладения («общественного строя»). Он только упомянул об основных дискуссиях своего времени об «общественном строе» и «способах производства», но не стал погружаться ни в критику одних концепций, ни в обоснование других.

Задача автора заключалась в том, чтобы вписаться в рамки, которые были предписаны историкам партийными постановлениями. Он был хорошо подготовлен идеологически и как человек 30-х гг. обладал большой осторожностью — то, что в 1935-1939 гг. он пережил если не репрессии, то «опалу», заставляло его тщательно взвешивать каждое слово.

Не являясь историком-древником, при описании древнейшей истории он выбрал путь рационального осмысления мифа. Гораздо более научной выглядит характеристика государства Шан на основе обобщения достижений археологов.

* * *

Судьба Г.С. Кара-Мурзы складывалась таким образом, что он начинал как обществовед и обрушился с критикой на В.М. Алексеева именно в этом статусе, но, поступив работать на истфак МГУ, решая сугубо исторические задачи, стал историком, в значительной степени изжив из себя обществоведа. Стремясь достойно выполнить научно-педагогическую задачу, он искал способы перехода от распространенных ранее обществоведческих подходов к собственному историческому описанию древностей Китая и предложил свой подход.

Содержание лекций позволяет подозревать, что в послевоенной Москве из всех московских синологов, пожалуй, только Г.С. Кара-Мурза и мог бы занять место руководителя направления по изучению истории «традиционного Китая». И это подтверждается не только его научным и эпистолярным наследием, но и словами ... В.М. Алексеева, который в своей работе «Советская синология», подготовленной к печати в 1947 г. (изданной в 1982 г.), писал: *«Советская китаистика за время войны потеряла ряд лучших китаистов ... Георгий Сергеевич Кара-Мурза — историк Китая, обещавший дать многое»*. Мы не знаем, простил ли В.М. Алексеев «нападки» 30-х гг., но видим, что этот выдающийся ученый, который не был склонен ни льстить, ни угождать, ни подстраиваться под чье-либо мнение, именно так незадолго до своей смерти «аттестовал» автора публикуемых лекций¹².

¹² Признание Г.С. Кара-Мурзы и как педагога содержится в статье такого представителя «классического» направления, как В.В. Петров, «В.М.Алексеев о предмете, путях

Литература

1. Академик А.А. Губер: к 100-летию со дня рождения. Воспоминания, речи, статьи. М., 2004, с. 97.
2. *Алексеев В.М.* Китайская литература. Избранные труды. М., 1978.
3. *Алексеев В.М.* Наука о Востоке. М., 1982.
4. *Алексеев В.М.* Труды по китайской литературе. В двух книгах. Кн. 2. М., 2003.
5. *Алексеев В.М.* Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая. СПб., 2010.
6. *Алексеев В.М.* Рабочая библиография китаиста. Книга руководств для изучающих язык и культуру Китая // Архив российской китаистики. Т. I. М., 2013.
7. *Алимов И.А., Ермаков М.Е., Мартынов А.С.* Срединное государство. Введение в традиционную культуру Китая. М., 1998.
8. *Бунаков Ю.В.* Гадательные кости из Хэнани (Китай). Л.–М., 1935.
9. *Бухарин М.Д., Ладынин И.А., Ляпустин Б.С., Немировский А.А.* История Древнего Востока. М., 2009.
10. *Гриневиц П.А.* Китай//Большая Советская Энциклопедия. Т. 32. М., 1936.
11. *Гриневиц П.А.* Китай // Малая Советская Энциклопедия. Т. 5. М., 1937.
12. *Думан Л.И.* Очерки по древней истории Китая (XII в. до н.э. — I в. н.э.). Л., 1938.
13. Из писем Г.С. Кара-Мурзы // Оружием слова. Статьи и воспоминания советских востоковедов (1941-1945 гг.). М., 1985.
14. *Иолк Е.С.* К вопросу об основах общественного строя древнего Китая // Проблемы Китая. 1930, № 2.
15. История Древнего Востока / под. ред. В.И. Кузищина. М., 1979, 1988, 2001.
16. *Кара-Мурза Г.С.* Из писем ученого // Новый мир. 1950, № 4.
17. *Кара-Мурза Г.С.* [рец. на:] *Е. Поливанов и Н. Попов-Татива.* Пособие по китайской транскрипции. Изд. Научно-Исследовательской ассоциации при КУТВ'е им. И.В.Сталина, Москва, 1928 г., с. 91, цена 1 р. 30 к. // Проблемы Китая. 1929, № 1.
18. *Кара-Мурза Г.С.* Марксизм и буржуазная синология // Проблемы Китая. 1930, № 4–5.
19. *Кара-Мурза Г.С.* Род и племя древних китайцев // Труды Московского института востоковедения. 1939, № 1.
20. *Кара-Мурза Г.С.* Лекция по истории Китая в Средние века. М., 1940.
21. *Кара-Мурза Г.С.* Тайпины. Великая крестьянская война и тайпинское государство в Китае 1850-1864. М., 1941.
22. *Кара-Мурза С.Г.* Романтические фантазии // <http://vif2ne.ru/nvz/forum/arhprint/148873>. Дата: 27.10.2005
23. Книжная и журнальная литература о Китае в СССР от XVI к XVII съезду ВКП(б). (Библиографический обзор) // Проблемы Китая. 1934, № 13.

развития и проблемах синологии»: «Параллельно с академическим и университетским китаеведением в 20–40-х годах успешно развивалось практическое преподавание китайского языка и китаеведных дисциплин. Значительный вклад в подготовку китаеведных кадров в Москве, которая наряду с Ленинградом стала ведущим синологическим центром, внесли В.С.Колоколов (1896–1979), И.М. Ошанин (1900–1982), Г.С. Кара-Мурза (1906–1945), А.П. Рогачев (1900–1981), Л.Д. Позднеева (1908–1974)» [33, с. 19].

24. *Кокин М., Папаян Г.* «Цзинь тянь». Аграрный строй древнего Китая. Л., 1930.
25. *Кузицин В. И., Кучера С.* История Древнего Востока. М., 2007, 2010, 2012.
26. *Кучера С.* Исторический очерк. Древний Китай // Большая российская энциклопедия. Т.14. М., 2009.
27. *Малибанд С.Д.* Библиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г. Т. 1, 2. М., 1995.
28. *Мишулин А.В.* Очерк о Китае в античную эпоху // Борьба классов. 1936, № 2.
29. *Никифоров В.Н.* Советские историки о проблемах Китая. М. 1970.
30. *Никифоров В.Н.* Советская историография Китая в первые послевоенные годы (1946–1949) // Краткие сообщения института народов Азии. Вып. 85. История и историография стран Дальнего Востока. М. 1964.
31. Новая история колониальных и зависимых стран. Т. 1 / Под редакцией С.Н. Ростовского, И.М. Рейснера, Г.С. Кара-Мурза, Б.К. Рубцова. Учебник для исторических факультетов государственных университетов и педагогических институтов. М., 1940.
32. *Петров А.А.* Ван Би (226–249). Из истории китайской философии. М.–Л., 1936.
33. *Петров В.В.* В.М. Алексеев о предмете, путях развития и проблемах синологии // Традиционная культура Китая. Сборник статей к 100-летию со дня рождения академика Василия Михайловича Алексеева. М., 1983.
34. *Попов А.Д.* Очерк истории Китая. Харьков, 1925.
35. *Скачков П.Е.* Биография Китая. М., 1960.
36. *Сорокин В.Ф.* Изучение новой и современной китайской литературы в России // Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 3: Литература. Язык и письменность. М., 2008.
37. Стратегия и тактика Коминтерна в национально-колониальной революции на примере Китая. М., 1934.
38. *Тодер Ф.А.* Записки востоковеда // Восток (Ориент). 1999, № 4.
39. *Тодер Ф.А., Юрьев М.Ф.* Штрихи к портрету профессора Г.С. Кара-Мурзы (1906–1945) // Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов. М., 1988.
40. *Ульянов М.Ю.* Послесловие к статье «Находки бронзового века» // Восточная коллекция. 2014, № 2 (Лето).
41. *Усов В.Н.* Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007.
42. *Харнский К.А.* Китай с древнейших времен до наших дней. Хабаровск–Владивосток, 1927.
43. *Юрьев М.Ф., Панцов А.В.* Учитель китаеведов Г.Б. Эренбург (1902–1967) // Слово об учителях. Московские востоковеды 30–60-х годов. М. 1988.